

В больнице было шумно. Снаружи то и дело доносились шаги спящих туда-сюда пациентов, а в воздухе витал слабый запах дезинфицирующих средств. Человек в его объятиях постепенно затих и мирно свернулся на его груди.

На душе у Лян Циншэна потеплело. Под его подбородком щекотали мягкие волосы Цы Ханьсуна. Их близость уже давно вышла за рамки дружеских отношений, не говоря уже о том, что до этого они были совершенно чужими людьми. Эта странная связь бередила ему душу, словно мягко царапая само сердце.

Он время от времени поглядывал на висящий над головой флакон, проверяя, сколько осталось лекарства. Внезапно он уловил доносившийся от мужчины тонкий древесный аромат. Только принявшись, он понял, что этот приятный, едва уловимый запах уже окутал всё пространство вокруг них.

Когда зашла медсестра, чтобы сменить капельницу, она слегка удивилась, увидев двух мужчин на одной больничной койке, но ничего не сказала. Она лишь мельком взглянула на них, однако Лян Циншэн, который отродясь никого не боялся, вдруг почувствовал, как у него одеревенела спина.

Его внезапно охватило волнение, будто его поймали на тайном свидании. Встретившись взглядом с медсестрой, он невольно дернул уголок губ в крайне виноватой и натянутой улыбке.

Медсестра промолчала, поменяла флакон и ушла.

Стоило ей выйти, как Лян Циншэн с облегчением выдохнул. Он расслышал, как Цы Ханьсун что-то пробормотал сквозь сон, но слов было не разобрать. Мужчина попытался зарыться глубже в его объятия, и Лян Циншэн поспешно перехватил его за запястье той руки, в которую была вставлена игла, испугавшись, что тот из-за своих ворочаний случайно выдернет капельницу.

Он почувствовал, как Цы Ханьсун потерся о него лицом. Горячая щека коснулась его кожи, передавая свое тепло. Всё тело мужчины напоминало жарко истопленную печь, от которой исходил сильный жар.

Лян Циншэн снова уставился на висящую сверху капельницу. Держа на руках спящего, он не мог ни полистать телефон, ни уснуть сам. От долгого созерцания флакона его начало клонить в сон. Он зевнул и упрямо продолжил следить за капающим лекарством.

Беспокойные мысли о Фэн Ли, которые так долго не давали ему покоя, постепенно улетучились. Да и из-за чего тут переживать? Подумаешь, расстались. Его же не кастрировали в конце концов, всегда можно найти кого-то другого.

Он уже давно замечал пропасть между ними, поэтому расставание не вызывало у него особого

сожаления. Лян Циншэн лишь мысленно пообещал себе, что в следующий раз выберет партнера попроще, с уровнем образования пониже.

Так не придется вечно чувствовать себя виноватым и недостойным, да и тот человек не будет втайне презирать его. Иначе обоим тяжело и неловко.

Но едва эта мысль пришла ему в голову, он понял, что зашел слишком далеко в своих рассуждениях. Мужчина, которого он сейчас обнимал, казался куда более образованным, чем Фэн Ли.

Да и по всем остальным параметрам он превосходил Лян Циншэна на голову.

Лян Циншэн не был глупцом и, конечно, улавливал перемены. Это приводило его в замешательство: насколько он помнил, их пути с Цы Ханьсуном никогда прежде не пересекались.

Может, на Цы Ханьсуна просто нашло временное затмение и ему захотелось попробовать кого-то попроще — такого неотесанного грубияна, крепкого орешка, как он?

Когда капельница закончилась, медсестра аккуратно извлекла иглу. Цы Ханьсун спал настолько крепко, что даже не проснулся. Он лишь слегка шевельнул пальцами и уткнулся лицом еще глубже Лян Циншэну в грудь, так что теперь снаружи виднелся только его затылок. — Помоги ему подержать ватку. — Медсестра бросила взгляд на Лян Циншэна.

Лян Циншэн поднял руку и прижал ватную палочку к месту укола, зажав игольное отверстие. Подождав, пока кровь остановится, он убрал ватку и взглянул на часы: 15:34.

Ему даже не хотелось лишний раз двигаться, к тому же в палате никого не было. Он натянул больничное белое одеяло, укрыв их обоих. Цы Ханьсун лежал немного ниже, так что одеяло закрывало большую часть его затылка, в то время как Лян Циншэну оно доходило лишь до подмышек.

Хотя поза на боку была далеко не самой удобной, Лян Циншэн, который уже дня два-три нормально не высыпался, заснул не прошло и двух минут.

Проснувшись снова, он почувствовал, как его кадыка коснулось что-то влажное, липкое и обжигающе горячее. Кадык судорожно дернулся, и кто-то жадно взял его губами.

Лян Циншэн мгновенно вздрогнул. Открыв глаза, он прежде всего встретился взглядом с парой больших любопытных глаз: на соседней койке уже лежала широко открывшая глаза, простодушная маленькая девочка и в упор смотрела на него своими чистыми, черными, как смоль, зрачками.

В следующую секунду кто-то уперся влажным горячим кончиком языка в зажатый губами кадык и провел им по кругу.

Ледиановое покалывание, побежавшее от самого копчика, мгновенно привело его в чувство. Он быстро опустил взгляд и, заметив, что одеяло скрывает происходящее от посторонних глаз, увидел черную макушку, уткнувшуюся ему в грудь. Кончик языка был мягким и обжигающе жарким.

Он сдержанно отстранился назад, и в воздухе раздался тихий чмокающий звук — словно сильный липкий предмет насильно оторвали.

Лян Циншэн опустил взгляд, глядя на Цы Ханьсуна исподлобья. Тот смотрел на него затуманенными, словно под дымкой, глазами. Скулы, естественно порозовевшие от жара, казались затуманенными, в точности как у соблазнительных персонажей в каких-нибудь взрослых аниме.

Цы Ханьсун обнял его за талию и, столкнувшись с его темными, глубокими глазами, ни капли не испугался — лишь облизал губы. Его тонкие губы блестели от влаги, глаза изогнулись в полумесяцы, а голос прозвучал хрипло:

— Ты проснулся.

Малышка всё еще смотрела на них двоих. Сердце Лян Циншэна затрепетало, и, слегка пораженный такой смелостью, он глухим голосом спросил:

— Что ты только что делал?

— Будил тебя. Я уже сутки ничего не ел, — тихо ответил тот, и голос его звучал совершенно естественно и спокойно.

Лян Циншэн подавил эмоции и попытался приподняться, но талия всё еще была затянута в объятиях, поэтому он произнес:

— Если ты меня держишь, как я пойду куплю тебе еду?

— Ой. — Цы Ханьсун разжал руки, но его пальцы напоследок провели вокруг его талии.

Лян Циншэн встал с кровати и обулся, как вдруг дверь отворилась и в палату вошла женщина с термосом в руках. Ее взгляд, упавший на обоих мужчин, недвусмысленно выражал брезгливость.

Однако никто из них не обратил на нее внимания.

— Лян Циншэн, подай мне очки. — Хотя они находились на расстоянии вытянутой руки, он всё равно позвал его.

Лян Циншэн посмотрел на него своими черными, глубокими зрачками и, не собираясь потакать его капризам, бросил:

— Бери сам. Цы Ханьсун страдал легкой близорукостью, и без очков его выражение лица порой казалось смазанным, однако он ничуть не расстраивался — не видишь без очков, ну и ладно, сам возьмешь. Стоило же ему надеть их, как холодные прозрачные линзы придавали ему еще больше отстраненной и неземной строгости.

Он посмотрел на Лян Циншэна:

— Какую еду ты собираешься купить?

Лян Циншэн спросил:

— Чего тебе хочется?

— Не знаю, — ответил Цы Ханьсун.

— Тогда куплю что-нибудь на свой выбор.

С этими словами Лян Циншэн толкнул дверь и вышел.

После его ухода Цы Ханьсун прислонился к изголовью больничной койки. Весь его вид напоминал цветок, из которого выпили всю влагу: вялый, холодный, не говорящий ни слова.

Рядом без умолку болтали маленькая девочка и ее мать. Судя по всему, девочке предстояла операция, и мать успокаивала ее, уверяя, что все будет хорошо, стоит только поспать.

Лян Циншэн вернулся быстро. В руках он держал два пластиковых пакета и три контейнера с едой, купив каждому по порции риса и по два блюда.

Цы Ханьсун посмотрел на свои кукурузные ребрышки и тушеную китайскую капусту, а затем перевел взгляд на два его блюда — курицу с острым перцем и мапо тофу. Во рту тут же зависилось слюноотделение.

Лян Циншэн купил эту еду на вынос в каком-то ресторанчике этажом ниже и просто поставил рядом. Сначала он приготовил для больного пищу полегче, но заметив, как тот украдкой косится палочками на ярко-красные аппетитные угощения, лишь молча бросил на него взгляд и возражать не стал.

Они впервые ели вдвоем, и хотя поблизости находились мать с дочерью, беседовать было не о чем — все молча уткнулись в свои тарелки. Во время еды Цы Ханьсун испытывал подлинное наслаждение, однако стоило закончить, как в горле возникло неприятное ощущение.

Защипало и запершило.

Лян Циншэн привычно все убрал, упаковал мусор в пакет и, заметив, что пациент снова лежит на койке, немного помолчал и спросил:

— Разве ты не возвращаешься в общежитие?

Цы Ханьсун посмотрел на него, и во взгляде промелькнул холодок:

— У меня еще жар. Если я вернусь и свалюсь в комнате без сознания, никто и не узнает. Уж лучше потратиться на больницу: если среди ночи что-то случится, за мной хотя бы присмотрят.

Прозвучало это жалобно, а подтекст был весьма многозначительным.

— Ладно, уже поздно, я тогда пойду, — тихо произнес Лян Циншэн, глянув на уже совсем потемневшее за окном небо.

Цы Ханьсун молча понаблюдал за ним какое-то время. При всей своей обманчиво-холодной внешности, когда он запрокидывал голову, обнажая худой подбородок и не демонстрируя ни капли жалости к себе, он почему-то выглядел донельзя беспомощным.

Он спросил:

— Завтра мне все еще звонить тебе?

— Я сам приду, — тихо ответил Лян Циншэн, уловив истинный смысл в его глазах.

Цы Ханьсун отвел взгляд, больше на него не глядя. Его утонченный профиль, четко очерченная линия подбородка и кожа были белее снега.

Выйдя за дверь, Лян Циншэн почему-то — словно поддавшись какому-то порыву — обернулся. Заглянув внутрь сквозь стекло в двери, он увидел, что тот сидит, прислонившись к кровати, закусив губу. И пусть вид у него по-прежнему оставался гордым и отрешенным, в этой больничной пижаме он казался до странного хрупким.

А тем временем, в той же самой больнице, стоило Лян Циншэну переступить порог на выход, как тут же появился Фэн Ли.

Несколько вчерашних ударов Лян Циншэна наградили Ли Чуаньбай легким сотрясением мозга, и теперь тот тоже лежал в этой больнице.

Отношения между Фэн Ли и Ли Чуаньбаем приняли двусмысленный характер после одних спортивных соревнований. Прежде один числился заведующим отделом, а другой — активистом, и хотя они ладили, за рамки дозволенного никогда не выходили.

В тот раз Фэн Ли был волонтером. Кто-то налетел на него, он подвернул ногу, и так вышло, что Ли Чуаньбай оказался рядом — взял его на руки и отнес в медпункт. На глазах у изумленной публики Фэн Ли смутился до смерти.

Добравшись туда, они обнаружили, что врача на месте нет: во время соревнований медики вполне могли дежурить на самом стадионе.

Убедившись, что никого нет, Ли Чуаньбай решил сам смазать ему ногу мазью. Пока они втирали средство в распухшую лодыжку, атмосфера между ними стала откровенно двусмысленной.

Позже Ли Чуаньбай притянул его к себе и долго целовал. Сначала Фэн Ли сопротивлялся, но стоило тому прошептать пару ласковых слов вроде «сокровище мое» и «я люблю тебя», как они предались поцелуям прямо в медпункте.

Внешние данные и материальное положение Ли Чуаньбая были на высоте, к тому же от него исходило какое-то солнечное, легкое очарование. Совсем не то что Лян Циншэн: тот хоть и относился к нему хорошо, но казался простоватым, неразговорчивым и обладал тяжелым характером.

Фэн Ли мучился угрызениями совести и пытался держать дистанцию, однако Ли Чуаньбай умолял его не обращать внимания на наличие парня, лишь бы только он дал ему шанс.

Польщенный тем, что сразу два мужчины крутятся вокруг него, Фэн Ли полушутя-полусогласие позволил этой связи продлиться целых полгода.

Сладкие речи Ли Чуаньбая вскружили Фэн Ли голову, и тот, распластавшись под ним и отдаваясь на волю любых желаний, окончательно изменил.

Мучимый виной, Фэн Ли все же не хотел отпускать Лян Циншэна, искренне веря, что в глубине души по-прежнему сильнее всего любит именно его.

Узнав, что Ли Чуаньбай пострадал в драке, Фэн Ли испугался, что тот продолжит преследовать его или решит отомстить Лян Циншэну, и потому пришел воочию объясниться и поставить точку.

Кто бы мог подумать...

— Перестань, это же больница... — Лицо Фэн Ли пылало пунцовым, он судорожно прикрывал одежду руками, а в глазах стояли слезы.

Ли Чуаньбаю же было плевать. Несмотря на разбитое вдребезги лицо, он думал совсем о другом.

— К чему ломать комедию? Мы же не в первый раз. Для кого ты так надрывно стонешь? Лян Циншэн ведь уже бросил тебя, разве ты не слышал об этом вчера вечером? — Ли Чуаньбай злился и втайне тоже решил, что просто так от него не отстанет.

Разумеется, отпускать Фэн Ли он тоже не собирался. Поначалу он воспринимал это лишь как забавную игру, но позже вкус тайного запретного плода стал слишком притягательным. Сейчас же им двигало чистое желание сделать Лян Циншэну как можно больнее.

Сыграло свою роль обычное мужское соперничество и ущемленное самолюбие.

Жалкие всхлипывания Фэн Ли напоминали бление ягненка, угодившего в тигриную пасть: чем горше он плакал, тем сильнее Ли Чуаньбай упивался происходящим.

Вернувшись в общежитие, Лян Циншэн услышал от соседей, что сегодня во второй половине дня к нему заходил Фэн Ли. При одном только упоминании этого имени внутри все сжалось от раздражения, однако он не стал придавать этому особого значения — Фэн Ли уже был отправлен в черный список.

Как бы то ни было, будущего у них с Фэн Ли не было.